

Дискурсивные стратегии и тактики президентов России и Франции в формате прямого общения с аудиторией: модели коммуникации для управления конфликтными ситуациями

Discursive strategies and tactics of the presidents of Russia and France in the format of direct communication with the audience: communication models for managing conflict situations

УДК 32.019.51
Получено: 02.09.2019 Одобрено: 14.09.2019 Опубликовано: 25.09.2019

Косов В.В.

доктор права, доцент кафедры славистики, Университет Гренобль Альпы, Франция
e-mail: valery.kossov@univ-grenoble-alpes.fr

Kossov V.V.

Doctor of Law, Associate Professor in Russian and Slavonic Studies, University Grenoble Alpes, France
e-mail: valery.kossov@univ-grenoble-alpes.fr

Аннотация

Целью статьи является выявление определенных закономерностей в использовании дискурсивных стратегий, на основе которых формируются модели политической коммуникации. В статье проводится сравнительный анализ двух коммуникативных форматов – «Прямая линия с Президентом» в России и «Большие национальные дебаты» во Франции, которыми предусматривается прямой контакт глав государств с представителями различных социальных групп. Особое внимание уделяется использованию речевых стратегий и тактик, которые применяются в президентском дискурсе для разрешения конфликтных ситуаций и достижения определенного консенсуса в случае разногласий. Для работы использовались методы качественного дискурс-анализа корпуса в сравнительном аспекте с учетом хронологии развития политических контекстов двух стран, специфики аудитории, политико-культурных особенностей разных социумов. Формируемые на основе комплекса дискурсивных стратегий модели коммуникации находят свое применение в относительно сходных коммуникативных ситуациях и зачастую в меняющихся политических контекстах, что предполагает сходные и отличительные черты. В статье делается вывод о том, что несмотря на некоторые различия, коммуникативные модели во французском и российском политикумах предполагают сходную задачу: создание образа легитимной политической власти, опирающейся на кредит доверия большинства населения.

Ключевые слова: президентский дискурс, дискурсивные стратегии, коммуникативная ситуация, легитимность, аудитория.

Abstract

The purpose of the article is to identify certain patterns in the use of discursive strategies, on the basis of which models of political communication are formed. The article provides a comparative analysis of two communication formats, "Direct Line with the President" in Russia and "Big National Debates" in France, which provide for direct contact of Presidents with representatives of different social groups. Special attention is paid to the use of speech strategies and tactics that are used in the presidential discourse to resolve conflict situations and achieve a certain consensus in case of disagreements. For this work, the methods of qualitative discourse analysis of the corps were used from a comparative perspective, taking into account the chronology of political contexts development in the two countries, the specifics of the audience, and the political and cultural characteristics of different societies. Communication models based on a set of discursive strategies are applied in relatively similar communication situations and often in changing political contexts, which suggests similarities and differences. The article concludes that, despite some differences, the communicative models in French and Russian politicians assume a similar task: to create an image of legitimate political power, based on the credit of the majority of the population.

Keywords: presidential discourse, discursive strategies, communication situation, legitimacy, audience.

Политическая жизнь любого государства зачастую сравнивается с полем битвы, где ведутся символические сражения, в результате которых устанавливаются отношения доминирования одних сил над другими либо заключаются договоры о согласии. В данном случае построение дискурса идей проходит через дискурс власти. При этом в первом случае речь идет о «дискурсе правды», а во втором – о «дискурсе правдоподобия» [2, с. 35]. В современном мире с его интенсивно развивающимися технологиями коммуникации «дискурс правды» отходит зачастую на второй план, оставляя все больше места дискурсу возможного, вероятного, с помощью которого политические элиты стремятся решить задачи легитимности власти и доверия общества, которое рассматривается как основной источник и депозитарий этой власти. Данная тенденция коррелирует с общим падением влияния устоявшихся идеологических доктрин XX в. и с поиском новых ориентиров и основ для взаимоотношений власти и общества. В этой связи современный политический дискурс строится в большей мере с опорой на этос и пафос, чем на логос, который в современном мире уже не имеет единой составляющей и дробится на множество смыслов, производимых в зависимости от коммуникативных целей. Таким образом, особое значение приобретает формат прямой коммуникации политических элит и общества, в котором важную роль для первых играют дискурсивные стратегии, направленные с одной стороны на аргументацию легитимности действий или положения власти, с другой – на получение / подтверждение доверия к власти со стороны большинства участников акта коммуникации. Это ведет к построению дискурса с учетом как общего запроса аудитории, так и отдельных ожиданий конкретного реципиента, а также к выделению этоса коммуниканта в отдельную составляющую дискурса, где создание набора определенных образов преследует цель легитимации говорящего и убеждения аудитории в правильности его позиции.

Несмотря на различия политических повесток и контекстов в разных государствах, можно предположить наличие сходных моделей построения дискурсивных стратегий политических лидеров. В проведенном исследовании ставится задача рассмотреть в сравнительном аспекте коммуникативные стратегии президентов России и Франции в рамках формата прямого общения с различными представителями населения. В России это ежегодные «Прямые линии с Президентом», во Франции – организуемые в 2019 г. сеансы «Больших Национальных дебатов»¹, организованных в связи с протестным

движением «желтых жилетов». Вопросы, которые ставятся на рассмотрение, касаются, в частности, тех дискурсивных стратегий, которые главы государств используют при возникновении ситуаций, так или иначе связанных с конфликтом. С одной стороны, коммуникативная ситуация может быть конфликтной, по сути, когда собеседник задает вопрос или формулирует реплику с целью заострить внимание на том или ином негативном аспекте действий президента (настоящих, прошедших, будущих или предполагаемых). С другой, речь идет о ситуациях, в которых высказывание может состоять из оценки или репрезентации конфликта во внутренней или внешней политике, к которому руководители государства имеют непосредственное или опосредованное отношение, но с которым их так или иначе связывает адресованное им высказывание. Таким образом, главный вопрос состоит в том, насколько применяемые в данном коммуникативном формате дискурсивные стратегии вписываются в единую модель «управления» конфликтными ситуациями, и какую роль данная модель играет в конструировании легитимности политического лидера.

Для проведения исследования был составлен корпус, состоящий из 12 стенограмм «Прямых линий с Президентом», доступных на сайте Президента РФ, и 13 видеозаписей выступлений Э. Макрона в рамках «Национальных дебатов» в 2019 г., размещенных на сайте Елисейского дворца². Изучение корпуса проводилось методом качественного дискурс-анализа коммуникативных стратегий в сравнительном аспекте с учетом вариативности контекстов и затрагиваемых тем, а также форматов коммуникации.

Прежде всего, необходимо выделить несколько основных отличий российского и французского форматов, которые предопределяют разные организационные формы и порою разное содержание дискуссий. «Прямые линии» с Президентом – масштабное мероприятие, организуемое ежегодно, начиная с 2001 г. В него вовлечены самые широкие слои населения, представляющие различные социо-профессиональные группы, регионы, центральные города. В формате «Прямых линий» прослеживается четкая направленность на демонстрацию единовременного, но регулярного общения президента со всей нацией через ее представителей.

Инициатива «Национальных дебатов» была выдвинута после обострения социо-политической ситуации, связанной с протестным движением³. Здесь также присутствует намерение установить коммуникационный контакт с нацией через ее представителей, выслушать их предложения и мнения и высказать свои. Э. Макрон представляет свою инициативу как «беспрецедентную», которая позволит «превратить недовольство в решения», заключить новый «национальный договор»⁴. При этом Президент обязуется отчитаться по всем поставленным вопросам в течение месяца после завершения дебатов. Несмотря на заявленную «новизну» формата сам термин «дебаты» отсылает к определенной политической традиции Франции и привлекает большую часть населения, в том числе и настолько разочарованных правлением Э. Макрона, что любой контакт с властью кажется лишенным смысла. Тем не менее дебаты в такой форме не проводились ранее во Франции и становятся скорее разовой, даже в каком-то смысле, сымпровизированной PR-акцией Елисейского дворца.

Таким образом, преследуя общую цель – контакт власти и нации, но отличаясь по формальным признакам, данные форматы предполагают некоторые различия в организации, что несколько по-разному репрезентирует глав государств в момент этого контакта. В частности, «Национальные дебаты» могли быть организованы на любом территориальном уровне от регионов до коммун Франции. Однако президент не всегда присутствует там физически, а результаты дебатов отправляются затем в Елисейский дворец. Личные встречи Э. Макрона организуются выборочно как с отдельными группами представителей населения, так и с избранными мэрами коммун. Этим

демонстрируется стремление и мотивация рассматривать внутренние проблемы с разных сторон на местах. Такая подача репрезентирует главу государства, как обычного гражданина, не чуждого повседневным проблемам «низов». Этим объясняется и размещение Президента в центре зала, в окружении участников дебатов и на одном уровне с ними. Такое расположение позволяет вставать во время ответов на вопросы, приближаться к их авторам, жестикулировать, т.е. задействовать, помимо вербальных, различные поведенческие приемы коммуникации.

В формате «Прямых линий» отбор направлен не столько на территории, сколько на непосредственных участников и их вопросы, среди которых могут быть и самые неожиданные. Президент расположен на определенной дистанции от публики в более комфортных для общения условиях, а в 2018 г. он находился в интерактивной хабе, где не собиралась аудитория, а вопросы поступали с помощью различных дистанционных электронных средств. Это, однако, не лишает его возможности использовать в достаточной мере жесты и движения благодаря телетрансляции.

Несмотря на значительные отличия форматов, большинство из них носит формальный характер, не сказываясь на основных параметрах коммуникативной ситуации: целях коммуникации, тематиках, статусе коммуникантов, прямом или предполагаемом адресате. Соответственно, можно говорить о сходстве коммуникативных ситуаций и задач коммуникантов, и задаться вопросом о выборе речевых стратегий и дискурсивных приемов решения конфликтных ситуаций.

Общими доминирующими стратегиями в дискурсе Э. Макрона и В. Путина являются аргументативные и саморепрезентационные. Тем не менее они имеют сходные и отличительные черты в том, что касается методов построения и тактики. В частности, обоим главам государств свойственна структурность и упорядоченность аргументации, строящейся с помощью иллюстративной и описательной тактики. Как правило, в случае появления конструктивных и содержательных разногласий с собеседником оба президента прибегают к индуктивным аргументативным конструкциям, когда оппоненту представляется серия фактов, подкрепляемых цифрами. Как правило, это информация, содержащая серию предпосылок или причин поставленной в вопросе проблемы. Соответственно в заключении аргумента приводится следствие описанных действий или решений, логически истекающее из приведенных фактов. Например, Э. Макрон (25.01.2019), отвечая на вопрос о налоге на крупные состояния, который был упразднен его правительством, начинает аргументацию с объяснений о том, что крупные капиталы необходимы для динамичного развития экономики Франции, ее конкурентоспособности в мире, создания рабочих мест. Приводятся примеры утечки капиталов за границу во время существования такого налога ранее. Затем делается вывод об оправданности этой меры, даже если многим она кажется несправедливой.

Аналогичным образом в таких случаях происходит построение аргументации В. Путина. В частности, в ответе на вопрос о замене единой ставки налога на доход физических лиц дифференцированной шкалой (07.06.2018) Президент приводит примеры применения такой шкалы в прошлом и выделяет негативные последствия, выражающиеся в сокрытии высоких доходов и проблемах собираемости налогов, что в конечном итоге отражается на финансировании различных государственных социальных программ. Таким образом, собеседника подводят к заключению о нецелесообразности изменения ставки, при этом также делается акцент на несправедливом, на первый взгляд, характере единой ставки.

В случае неконструктивных разногласий, когда вопрос собеседника содержит в большей степени эмоциональный посыл, аксиологические элементы и намеренно провоцирует конфликт, глава французской республики прибегает к дедуктивной

конструкции, используя тактики мягкой дискредитации оппонента. Например, ответ Э. Макрона (25.01.2019) на обвинительную реплику о всеобщей коррупции членов правительства строится из следующих элементов:

1. Условная фраза, в которой одновременно содержится призыв к ответственности оппонента и имплицитный вывод о его неправоте: «если вам известно о коррупции, сообщите об этом судьям».

2. Усиление дискредитации оппонента путем указания на неконструктивность критики с переходом от имплицитного обвинения к эмоционально эксплицитному: «все слова обладают смыслом, и вы не можете говорить, все что угодно!».

3. Изложение посылок, аргументирующих позицию: правительство формируется избранным президентом и парламентом, и вопросы о виновности его членов относятся к компетенции правосудия, в этом состоит суть демократии.

Вопросы, отбираемые для «Прямых линий», редко носят открыто провокационный характер, поэтому в корпусе мало примеров дедуктивной аргументации, опирающейся на тактику дискредитации оппонента. Однако структуры такого типа применяются в случае вопроса, содержащего ссылку на обобщенный источник, содержащий спорную информацию. Так, например, ответ на вопрос о присутствии российских военных в Донбассе после начала конфликта с Украиной начинается с эмоционального выражения несогласия, за которым следуют аргументы.

Чушь это всё! Нет на востоке Украины никаких российских подразделений, нет специальных служб, нет инструкторов. Это всё местные граждане. И самым лучшим доказательством этому является то, что люди, что называется, в прямом смысле слова сняли маски. И своим западным партнёрам я сказал: «Им некуда уходить, они никуда не уйдут, они хозяева этой земли, и нужно разговаривать с ними» (В. Путин, 17.04.2014⁵).

Следующим общим приемом аргументации президентов России и Франции является контрастивная тактика, используемая часто в качестве дополнения к иллюстративной. В целом она состоит из трех видов сравнений «себя» и «чужого»:

- сравнения в пользу «себя»;
- констатация равного положения с «чужим»;
- выделение «чужого» как пример.

В первых двух случаях оппоненту демонстрируется «правдоподобность» своей позиции или легитимность действия по отношению к тому, что происходит в других странах, регионах, сферах деятельности. Последний тип сравнения используется также с целью убедить собеседника в своей правоте. Однако в данном случае пример «чужого» выделяется как положительный ориентир, к которому коммуникант стремится приблизить свою позицию или действие. В этом случае возможно введение в высказывание разумной самокритики, благодаря которой создается «этос мудрости» правителя [2, с. 112].

В целом все три вида сравнений довольно сбалансированно применяются в контрастивной аргументации глав государств. Можно отметить, что прямое сравнение в пользу «себя» встречается реже, чем сравнения нейтральные или в пользу «чужого». Это связано с нестабильностью аргументационной конструкции, в которой собственные недостатки оправдываются еще большими недостатками «чужого», либо проблема, поднимаемая оппонентом, объявляется несущественной, поскольку она острее проявляется в другой стране. С другой стороны, положительный пример «чужого» или его схожие качества позволяют укрепить собственную позицию, вызвать доверие к проводимой политике, которую оппонент подвергает критике. Например, аргументируя налоговую политику своего правительства, Э. Макрон (25.01.2019) приводит примеры соседних стран (Германии, Швейцарии, Северной Италии), где

уровень безработицы гораздо ниже, чем во Франции вследствие уменьшения налогового бремени на предприятия. В аргументации Президента России сравнения в пользу «чужого» также часто встречаются, когда речь идет о социо-экономических вопросах.

И не секрет, что очень многие развитые государства, имея проблемы с демографией, решают проблему притока трудовых ресурсов за счет эмиграции, но делают это грамотно и цивилизованно. Нам, повторяю, пока не удалось выработать цивилизованный механизм привлечения трудовых ресурсов из других стран (В. Путин, Прямая линия, 18.12.2003⁶).

Однако для легитимации своей позиции по поводу необходимости «сильного государства» В. Путин прибегает к тактике паритетного сравнения, когда пример «чужого» служит ориентиром и подтверждает правильность собственной политики.

А в западных экономиках? Посмотрите, там никто ничего не имеет против, а с другой стороны, наоборот, подталкивают такую тему, как стратегическое планирование в отраслях. Это всё есть, поэтому и нам нужно иметь это в виду и использовать всё это (В. Путин, Прямая линия, 20.06.2019⁷).

В отдельных случаях выделение собственного примера происходит на имплицитном уровне. Как правило, это связано с вопросом ограничения суверенитета некоторых государств, когда сравнение с Россией подразумевается, но не проводится напрямую. При этом аргументация может относиться к различным вопросам международной политики, однако имплицитное сравнение всегда присутствует, легитимизируя в целом концепцию российской внешней политики.

Вы знаете, что современный мир, особенно западный мир, он очень монополизирован, и многие страны западного мира, это приятно или неприятно слышать, они добровольно отказались от значительной части своего суверенитета. (В. Путин, Прямая линия, 17.04.2014⁸).

Наряду с аргументативной стратегией сходство прослеживается в использовании стратегии саморепрезентации, которая применяется на различных этапах аргументации. В частности, оба коммуниканта объясняют легитимность своих действий, позиционируя себя за рамками идеологических, партийных и иных групповых принадлежностей. Для дискурса В. Путина это было свойственно с начала 2000-х годов [5]. Во Франции это относительно новая тактика, направленная на демонстрацию прагматичности власти, её озабоченности интересами общества, которое в последние годы демонстрирует все больше недоверия по отношению к французскому политикуму. В этом дискурсе Э. Макрона схож с саморепрезентацией В. Путина в начале 2000-х по следующим параметрам: отделение себя от идеологий и отдельных групповых интересов, выделение личной мотивации в защите интересов всей нации. В дискурсе российской власти это выражается общим концептом «государства». Во Франции предпочтение отдается традиционному понятию «республики». В обоих случаях частотна тактика солидаризации с аудиторией, когда делается акцент на собственном скромном происхождении и вхождение в политикум в силу обстоятельств и личных качеств.

Ваш коллега, он сзади вас, он меня назвал «господин президент». Но мы с ним знакомы очень давно, и Олег знает, что я, вот, проживаю в президентской резиденции два года, но почти 30 лет я прожил в коммунальной квартире Ленинграда, даже когда уже был офицером КГБ. И я очень хорошо знаю и чувствую, чем живет рядовой российский гражданин (В. Путин, Прямая линия, 2002⁹).

Знаете, я не наследник, родился в Амьене, никто из моей семьи не был банкиром, политиком или чиновником. [...] Если бы я был банкиром, вы могли бы давать мне уроки, если бы я родился, купаясь в золоте, или был сыном политика, вы могли бы давать мне уроки. Но это не так, поэтому я могу смотреть вам в глаза (Э. Макрон, 2019).

Для президента Франции личная саморепрезентация особенно важна, поскольку речь идет о его первом сроке правления, с самого начала которого у него складывается нежелательный образ элитарности и некоторой высокомерности. Это связано как с некоторыми неосторожными публичными высказываниями президента¹⁰, так и с его прошлой профессиональной деятельностью. Подобными «коммуникативными

ошибками» пользуются не только политические соперники Э. Макрона, но и бывший министр внутренних дел Франции, Жерар Колом, который заявил в прессе о дефиците контакта Президента с массами¹¹.

При этом, концентрируя больший акцент на себе, Э. Макрон в целом следует общей тенденции во французском президентском дискурсе [3]. Подобное явление было свойственно и его предшественникам Н. Саркози и Ф. Олланду, которые уже тогда стремились не акцентировать внимание публики на своей принадлежности к традиционным политическим партиям, связывая проводимые реформы с личной инициативой. С одной стороны, такая стратегия приводила к повышению личной ответственности президента за проводимые реформы. С другой – успешная реализация реформ приносила их инициатору политические дивиденды. Кроме того, это связано и с кризисом общественного доверия к традиционной политической системе, в которой постепенно стираются идеологические различия между правыми и левыми. Этими настроениями французского электората активно пользуется лидер националистической партии М. Ле Пен, которая выделяет внесистемный характер своей партии как её основное положительное качество. Э. Макрон пытается пойти дальше своей соперницы на президентских выборах, объединяя в саморепрезентации ответ на антисистемный настрой аудитории и четкую ориентацию на сохранение демократических принципов существующей республиканской формы правления.

Я никогда не был политиком, пришел в политику случайно, потому что мне повезло, потому что я хотел бороться, потому что мне поверили. Я вышел за пределы системы, и все считали меня чокнутым. Я пошел против системы, и никто мне не помогал. Я не ставленник партии, которая существует больше 30 лет. Все что я сделал, было сделано, чтобы изменить систему. Однако я делаю все демократическим путем (Э. Макрон, 2019).

Несмотря на формальное сходство с коммуникативной стратегией предшественников, частое употребление Э. Макроном местоимения «я» вместо традиционного «мы» в дискурсе «Национальных дебатов» не приводит к излишнему выделению собственного эго, а скорее содержит эмоциональный посыл к аудитории и возможность для солидаризации с ней. Во всяком случае намерение Президента изменить негативный образ элитарности и отстраненности от масс было услышано и озвучено во французских СМИ¹².

Необходимость корректировки прошлых коммуникативных просчётов ведет к частому применению тактики солидаризации с публикой в рамках стратегии саморепрезентации Э. Макрона. Она заключается в использовании различных приемов, когда коммуникант стремится подчеркнуть близость к собеседнику или аудитории в целом, даже если заданный вопрос откровенно конфликтный или провокационный. В таких случаях Э. Макрон стремится обобщить проблематику, выразив свое согласие с собеседником в целом, а затем перейти к деталям, которые выводят из-под критики его сферу ответственности.

Я прекрасно понимаю ваше возмущение [...] Нас с вами 66 миллионов возмущенных. Существует масса несправедливых вещей. Но нельзя всегда возлагать всю ответственность на государство (Макрон, 2019).

В дискурсе «Прямых линий» применяется схожая тактика, когда в начале ответа выражается эмпатия в отношении общества в целом и собеседника в частности, подчеркивается острота и своевременность поднятой проблемы: в примере это компенсация вкладов конца 1980 – начала 1990 гг., обесцененных инфляцией. Затем используется иллюстративная аргументация, подкрепляемая цифровыми данными, которые придают легитимный характер действиям или недостатку действия со стороны власти.

Это, конечно, повторяю еще раз, вопрос, относящийся к категории очень острых и волнующих миллионы людей в нашей стране. То, что произошло, то, что сделали с людьми в начале 90-х

годов, кажется невероятным. Но это, к сожалению, произошло. Что мы можем сделать сегодня? Я обязан вам об этом сообщить (В. Путин, Прямая линия, 19.12.2002¹³).

В отдельных конфликтных ситуациях коммуниканты могут применить тактику десолидаризации с собеседником. Как правило, речь идет о вопросах, создаваемых сильный эмоциональный фон, который переводит дискуссию в непредсказуемое иррациональное поле, где аргументативная стратегия малоэффективна. В. Путин прибегает в таких случаях к краткой и неэмоциональной реакции, тем самым пресекая пути к дискуссии, которая может быть неоднозначно интерпретирована аудиторией. При этом перед тем, как высказать свое несогласие с собеседником, Президент России использует один из наиболее распространенных примеров солидаризации – обращение по имени, что позволяет расположить к себе оппонента и аудиторию в целом, и таким образом придать более мягкую форму высказываемой позиции.

Вы знаете, Сергей (можно я к Вам так обращаюсь?), я всё-таки с Вами не согласен. Знаю, что Вы один из наиболее интересных современных писателей, очень читаемый и хорошо издаваемый. Но я не могу согласиться с тем, что Украина – проклятая земля, я Вас просто очень прошу не употреблять таких выражений в отношении Украины (Путин, Прямая линия, 2014¹⁴).

В целом ответы В. Путина на вопросы с избыточным эмоциональным содержанием подкрепляют образ прагматичности власти, которая репрезентируется как беспристрастный арбитр, защищающий интересы государства и общества, но в то же время остающийся в рамках определенной политической культуры. Следует отметить, что подобная позиция «над схваткой» была всегда характерна для дискурса В. Путина. Однако в «Прямых линиях» после 2012 г. она все чаще служит для построения этоса «мудрого вождя» [2, с. 120], обладающего «тихой силой» и знающего, к чему нужно стремиться. Подобный этос был свойственен в большей степени Ф. Миттерану [6] во время его второго семилетнего срока правления, чем Э. Макрону, избранному на первый срок в 2017. Возможно, несовместимость такого образа с фигурой относительно молодого президента объясняет введение в высказывание речевых фигур, создающих некоторый эмоциональный фон при использовании приема десолидаризации.

Я не президент какой-либо партии. Я не президент желтых жилетов. Я президент всех французов. Я провожу в жизнь решения, которые не всем нравятся. Некоторые из них были не поняты, и это моя вина. Некоторые из них ошибочные, и я их исправлю. (Э. Макрон, 2019).

В целом эмоциональный заряд в высказываниях Э. Макрона связан с определенными традициями французской политической речи, в которой стратегия убеждения строится с помощью различных поэтических приемов, позволяющих более эффективно добиться признания аудитории [1, с. 231–245].

Несмотря на часто практикуемые стратегии, в которых главы государств используют сочетание этоса и пафоса, необходимо еще раз подчеркнуть общую прагматическую направленность президентского дискурса, которая проявляется не только при саморепрезентации, но и в так называемых иллокутивных актах [7, с. 51-60]. Как правило, в формате прямого общения с аудиторией такие речевые акты используются при возникновении частной конфликтной ситуации, в которой речь идет о проблемах одного из участников встречи, требующей быстрого решения. Несмотря на некоторые языковые различия, оба президента используют схожие перформативные конструкции: «приношу вам свои извинения», «довожу до вашего сведения». Предполагаемое решение проблемы формулируется через прямое или косвенное обещание с помощью глаголов будущего времени: «вас примут в ближайшее время», «я сейчас попрошу кого-нибудь рассмотреть ваше дело», «я вас обязательно найду». Кроме того, для В. Путина характерно частое использование косвенных иллокутивных актов [4], когда в высказывании содержится действие третьего лица, как правило, подчиненного, от которого зависит благоприятное разрешение проблемы.

По поводу Прокуратуры. Генеральный прокурор Чайка Юрий Яковлевич ждёт Вас на приём. Уверен, он сейчас смотрит нашу передачу (Смех в зале. Аплодисменты). И потирает руки по поводу того, что и как он мог бы сделать. [...] Не будем спешить, пускай Юрий Яковлевич разберётся с этим. Но и губернатор Омской области, я думаю, найдёт общий язык с мэром. Я Вам обещаю, что это будет развиваться, во всяком случае, тем темпом, который бы Вы хотели видеть (В. Путин, Прямая линия, 25.04.2013¹⁵).

В данном примере имплицитное поручение Генеральному прокурору разобраться во взаимоотношениях местных и региональных властей с собеседником позволяет сократить дистанцию с аудиторией, разрядив конфликтную атмосферу. Одновременно с этим косвенное и прямое обещание указывают на серьезное отношение Президента к полученной информации и выражают четкое намерение разрешить частную проблему в короткий срок.

Таким образом, общая направленность коммуникативных стратегий российского президента носит превентивный характер, когда большая часть проблемных и конфликтных ситуаций предвосхищается заранее. При этом речь идет не только и не столько об отборе вопросов для «Прямых линий», сколько о демонстрации возможностей немедленного решения проблем, зачастую даже до их трансформации в конфликтный узел. Это во многом достигается как посредством реализации различных тактик в рамках аргументативной и саморепрезентативной стратегий, так и за счет частого использования иллюкативных актов, создающих образ динамичного и компетентного руководителя, способного находить быстрые и эффективные решения различным проблемам и зачастую знающего заранее правильные решения.

Комплекс стратегий президента Франции можно охарактеризовать как «проекционный», когда проблемные ситуации разбираются совместно с участвующей в сеансе «Дебатов» публикой и увязываются в единый общенациональный проект по их урегулированию. При этом зачастую ответы Президента на критику, воспринимаемую как иррациональную, содержат напоминание о том, что автор критики не отражает мнение большинства, выраженное в общем и целом во время президентских выборов 2017 г. Иными словами, в ситуациях, когда ставится под вопрос легитимность Президента, происходит отсылка к общепринятой концепции демократии, которая представляется как аксиома, не ставящаяся под сомнение. В конечном итоге, Э. Макрон защищает свою предвыборную программу по развитию страны, стремясь убедить аудиторию в ее принадлежности к нации, от единства и участия которой зависит успех проекта и будущее главной ценности французского общества – республики.

Необходимость единства нации также озвучивается в формате «Прямых линий». Однако консолидация общества представляется как основное условие создания и защиты самодостаточного и сильного суверенного государства, способного найти справедливые решения возникающих проблем и конфликтов. Особый акцент делается на том, что и как делается государством, чтобы конфликтные ситуации не возникали или, по крайней мере, быстро разрешались. Подобная патерналистическая модель государства, даже когда В. Путин открыто высказывается против нее, тем не менее опосредованно воссоздается в коммуникативной ситуации «Прямых линий».

Подводя итоги, можно отметить, что несмотря на сходство дискурсивных стратегий в относительно похожих ситуациях с повышенным конфликтным потенциалом, президенты Франции и России встраивают их в отличающиеся по некоторым параметрам коммуникативные модели. Данные отличия связаны во многом с политическими традициями, характерными для каждого государства и отвечающими ожиданиям той или иной аудитории, а также с различными политическими целями, задачами и контекстами. Тем не менее модели стремятся и к определенному общему знаменателю, суть которого резюмируется в идее единства нации вокруг легитимного

лидера, которое будет способствовать изменениям отдельных устаревших элементов установившейся традиции и станет залогом дальнейшего успешного развития нации и государства.

Литература

1. Amossy R. *L'argumentation dans le discours*. – Paris: Armand Colin, 2016. 247 p.
2. Charaudeau P. *Le discours politique. Les masques du pouvoir*. Vuibert. – Paris, 2005. 256 p.
3. Dupuy O-P., Marchand P. *Les débats de l'entre-deux-tours de l'élection présidentielle (1974-2012) au prisme des stratégies discursives. Du monopole du cœur à la doxa économique-comptable // Discours présidentiels et des présidentielles, Mots Les langages du politique*, - 2016. - №112. P. 69-79.
4. Kerbrat-Orecchioni C. *Les actes du langage dans le discours*. - Paris, Nathan, 2001. 200 p.
5. Kossov V. *Discours politique russe contemporain: les voix du pouvoir*. Ouvrage inédit, 2015. 303 p.
6. Mayaffre D. *Nicolas Sarkozy Mesure et démesure du discours*. - Paris: Sciences Po Les presses, 2012. 368 p.
7. Searle J. *Sens et expression : étude de théorie des actes du langage*. - Paris, Editions de Minuit, 1982. 197 p.

References

1. Amossy R. *L'argumentation dans le discours* [The argumentation in the discourse] Paris, Armand Colin Publ., 2016, 247 p.
2. Charaudeau P. *Le discours politique. Les masques du pouvoir* [The political discourse. The masks of power] Vuibert, Paris, 2005, 256 p.
3. Dupuy O-P., Marchand P. *Les débats de l'entre-deux-tours de l'élection présidentielle (1974-2012) au prisme des stratégies discursives. Du monopole du cœur à la doxa économique-comptable* [The debates of the inter-twinning of the presidential election (1974-2012) from the perspective of discursive strategies. From the monopoly of the heart to the economic and accounting doxa]. *Discours présidentiels et des présidentielles, Mots Les langages du politique* [Words The languages of politics], 2016, I.112, pp. 69-79
4. Kerbrat-Orecchioni C. *Les actes du langage dans le discours* [The speech acts in discourse] Paris, Nathan Publ., 2001, 200 p.
5. Kossov V. *Discours politique russe contemporain : les voix du pouvoir* [Contemporary Russian political discourse: the voices of power] Ouvrage inédit, 2015, 303 p.
6. Mayaffre D. *Nicolas Sarkozy Mesure et démesure du discours* [Nicolas Sarkozy Measuring and exaggerating the speech], Paris, Sciences Po Les presses Pupl., 2012, 368 p.
7. Searle J. *Sens et expression : étude de théorie des actes du langage* [Expression and meaning: Studies in the theory of speech acts.] Paris, Editions de Minuit Publ., 1982, 197 p.

¹ Grand débat national.

² Из 13 встреч 7 были организованы с мэрами коммун, входящих в разные регионы Франции, 2 встречи с представителями ассоциативных кругов, 2 встречи с молодежью и детьми и 2 с жителями небольшой коммуны Бур-де-Пеаж и нескольких коммун департамента Эндр. В этих встречах приняли участие представители различных социальных групп, а также представители движения «желтых жилетов». Именно эти две встречи были наименее сценаризированы и спонтанны. Видеоматериалы доступны по ссылке. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/grand-debat-national#beginning> (дата обращения: 02.09.2019).

³ Протестное движение «желтых жилетов» во Франции началось в октябре-ноябре 2019 г. как выступление автомобилистов против роста цен на топливо. Затем движение расширяется, его

поддерживают оппозиционные власти партии. Среди многочисленных требований протестующих все чаще встречается призыв к отставке Э. Макрона. Таким образом, 13 января 2019 г. Президент Франции публикует открытое письмо к согражданам, в котором он предлагает обсудить 35 вопросов, разделенных на несколько основных тем: налоги, государственные расходы, организация государства, органы власти, экология, демократия и гражданство, иммиграция. Национальные дебаты начались 15 января 2019 г. и завершились дебатами в верхней палате парламента, Сенате, 10 апреля 2019 г.

⁴ Полный текст письма. URL: <https://www.gouvernement.fr/grand-debat-national-la-lettre-aux-francais-du-president-de-la-republique> (дата обращения: 02.09.2019).

⁵ URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/20799> (дата обращения: 02.09.2019).

⁶ URL: <http://www.linia2003.ru> (дата обращения: 02.09.2019).

⁷ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60795> (дата обращения: 02.09.2019).

⁸ URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/20799> (дата обращения: 02.09.2019).

⁹ URL: <http://www.linia2002.ru/> (дата обращения: 02.09.2019).

¹⁰ Schuck Nathalie « Dur, dur, la modestie en Macronie », Aujourd'hui en France, 23.06.2019, с.4

¹¹ Albertini Dominique, « Collomb appelle l'exécutif à l'«humilité», Macron croit à l'«écoute», Libération, 6.09.2018, https://www.liberation.fr/france/2018/09/06/collomb-appelle-l-executif-a-l-humilite-macron-croit-a-l-ecoute_1676968 (дата обращения: 02.09.2019).

¹² Mourgue Marion. «Gilets jaunes»: Emmanuel Macron fait son auto-critique» //Figaro. 28.07.2019. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/gilets-jaunes-emmanuel-macron-fait-son-auto-critique-20190728> (дата обращения: 02.09.2019).

¹³ URL: <http://www.linia2002.ru/> (дата обращения: 02.09.2019).

¹⁴ URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/20799> (дата обращения: 02.09.2019).

¹⁵ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17976> (дата обращения: 02.09.2019).